

Оригинал находится здесь: [Библиотека А. Белоусенко](#).

Электронная версия - *Леон Лауреш*

Дополнительное редактирование - Primus, май 2007.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

-- Ah, jamais vous ne faites pas comme je veux!.. [Ах, вечно вы делаете не так, как я хочу!.. (франц.)]

Баронесса Стериан сердилась. Метрдотель был опытный, представительный, честный (продукты, правда, ворует, зато денег не трогает), и звали его Альбером, -- после Батиста самое лучшее имя для метрдотеля. Но он все старался делать по-своему, просто надо следить за каждым шагом.

Стол, впрочем, был недурен. Еды было необычайно много для маленького приема в Париже, -- это и приводило в растерянность метрдотеля. Леони хотела поручить буфет модной кондитерской, -- так она постоянно делала прежде: посчитают, при нынешней дороговизне, франков по 25 с человека (баронесса в сердитые минуты говорила про себя: "с морды"), зато никаких хлопот. Однако решено было устроить буфет собственными силами: и чище, и дешевле, и более *distingue* [изысканно (франц.)]. Да и не стоит платить метрдотелю жалованье, если поручать приемы кондитерской. При Леони было одно, а теперь другое. Икры не было -- что ж делать, если Россия отрезана, да и там нет никакой икры; нигде больше нет икры, "и не будет", -- говорят мрачные люди. Но были бутерброды с цыпленком и новые, английские сэндвичи, сделанные из четырех разных сортов хлеба и сыра, складывавшихся пластами в кубик и снова разрезавшихся сверху вниз; мужчинам лишь бы жрать, но дамы-хозяйки заметят.

Баронесса только вздохнула, глядя на буфет с чувством мухи, сидящей на сетке, которой прикрыты пирожные. Ей, как всегда, очень хотелось есть. Режим разрешал ей по вечерам апельсин, чашку чая без сахара, да еще небольшой сухарь, -- "но лучше бы и без сухаря", -- говорил доктор. "А вот возьму и съем большой бутерброд", -- решила баронесса.

Отдав распоряжения метрдотелю, она подошла к двери гостиной, стала так, что из игравших в бридж людей ее могла видеть только Леони, и попробовала силу своего взгляда. Удалось: Леони оторвалась от карт и, по-прежнему улыбаясь, медленно кивнула головой, чуть заметно подняв брови. Это приблизительно означало: "Помню, помню, но еще нельзя, что ж делать!.." Разливать чай было рано. "У них, кажется, тогда и партии еще не было... До роббера не меньше, как пять -- десять минут, -- подумала баронесса. -- Разве к Мишелю зайти? Что он все зубрит..."

Мишель готовился к экзамену в *Ecole des Sciences politiques*. [Институт политических наук (франц.)] Однако баронесса застала его не за книгами. Он занимался боксом. Без пиджака, жилета и подтяжек, в толстых рукавицах, наклонив голову, упруго покачиваясь на странно расставленных ногах, он изо всей силы бил по большому черному мячу, -- мяч так и носился в разные стороны на длинном металлическом стержне. "Господи! Сумасшедший!.." Баронесса, жмурясь, с ужасом представила себе, что в мяч на таком ударе можно невзначай попасть и ногтем, -- "а у него такие хорошие, умные ногти! Вдруг расколется, ай!.." Она придавала у мужчин большое значение ногтям и как-то по-своему их классифицировала.

-- Вот как вы готовитесь к экзаменам, тореадор?

-- *Mille pardons, grand'maman*. [Тысяча извинений, бабушка (франц.)]

Он потянулся было к пиджаку, аккуратно повешенному на спинку стула, но решил, что можно остаться и без пиджака.

-- Бабушка, нельзя входить, не стучась, -- сказал он. -- В России, верно, было можно, а в Париже нельзя.

-- Дерзкий мальчишка, я постучала... Да ведь вы ничего не слышите, когда занимаетесь этой идиотской гимнастикой...

Мишель, ласково улыбаясь, попробовал взять ее за руку.

-- Как вы великолепны! Позвольте поцеловать ручку.

-- Сначала снимите эту гадость, ваши рукавицы.

-- *Oui, grand'maman*. [Да, бабушка (франц.)]